

Сказка Туве Янссон

" В конце ноября "

Глава 17

Филифьонка старалась не думать об удивительных существах, что жили в шкафу, и пыталась отвлечься, забытья за делами. Но по ночам она слышала слабые, еле различимые шорохи, а иногда слышалось, как кто-то нетерпеливо скребется по плинтусу. А однажды у ее изголовья тикали часы, предвещавшие смерть.

Самый приятный момент за целый день наступал для нее, когда она ударяла в гонг, созывая всех к столу, и когда выставляла в темноте на крыльцо помойное ведро. Снусмумрик играл почти каждый вечер, и Филифьонка хорошо запомнила все его мелодии. Однако она насвистывала их, лишь когда была уверена, что ее никто не слышит.

Однажды вечером Филифьонка сидела на кровати и думала, какой бы ей найти предлог, чтобы не лечиться спать.

– Ты спишь? – спросила Мюмла за дверью и, не дожидаясь ответа, вошла в комнату.

– Мне нужна дождевая вода, вымыть голову, – сказала она.

– Еще чего! – ответила Филифьонка. – По-моему, речной водой мыть ничуть не хуже. Возьми из среднего ведра. А это вода из источника. Выполощешь дождевой. Да не лей на пол.

– Я вижу, ты пришла в себя, – заметила Мюмла, ставя воду на огонь. – Между прочим, такая ты намного симпатичнее. Я явлюсь на праздник с распущенными волосами.

– На какой это праздник? – резко спросила Филифьонка.

– В честь Онкельскрута, – ответила Мюмла. – Разве ты не знаешь, что мы завтра устроим праздник в кухне?

– Вот оно что! Это для меня новость! – воскликнула Филифьонка. – Спасибо, что сказала! Стало быть, праздник, который устраивают, оказавшись вместе, отрезанные от мира, сметенные ветром жизни в один стог. А в самый разгар праздника гаснет свет, и когда его зажигают снова, видят, что в доме одним гостем меньше...

Мюмла с любопытством уставилась на Филифьонку.

– Иногда ты меня удивляешь. Недурно сказано. А потом исчезают один за другим, и под конец остается лишь один кот, что сидит и умывает лапой рот на их могиле!

Филифьонка вздрогнула:

– Вода, должно быть, уже согрелась. А кота у нас нет.

– Его нетрудно раздобыть, – сказала, ухмыльнувшись, Мюмла. – Стоит только пофантазировать немного, и будет тебе кот. – Она сняла кастрюлю с огня и открыла дверь локтем. –

Спокойной ночи, – сказала она, – и не забудь уложить волосы. Хемуль сказал, что ты сумеешь украсить кухню, что у тебя артистический вкус. – Тут Мюмла ушла, проворно закрыв дверь ногой.

Сердце Филифьонки сильно стучало. У нее хороший вкус, хемуль сказал, что у нее артистический вкус. Какое прекрасное слово! Она повторила его много раз про себя.

Филифьонка взяла керосиновую лампу и отправилась в ночной тишине искать украшения в стенном шкафу над маминым гардеробом. Картонки с бумажными фонариками и лентами стояли на своем обычном месте на самом верху, в правом углу. Они были нагромождены одна на другую и закапаны стеарином. Пасхальные украшения, старые поздравительные открытки "С днем рождения!". На них сохранились надписи: "Моему любимому папе", "Дорогой Хемуль, поздравляю тебя с днем рождения", "Мы крепко любим свою дорогую крошку Мю", "Сердечно желаем тебе, Гафса, успехов в жизни". Видно, Гафсу они не так сильно любили, как Мю. А вот и бумажные гирлянды. Филифьонка снесла их вниз в кухню и разложила на столике для мытья посуды. Она смочила волосы, накрутила их на бигуди. При этом она все время насвистывала один мотив, очень точно и правильно, о чем сама не подозревала.

Хомса Тофт слышал, как они говорили о празднике, который хемуль называл вечеринкой. Он знал, что каждый должен будет выступить, и догадывался, что на вечеринке нужно быть общительным и приятным для всей компании. Он себя приятным не считал и хотел одного – чтобы его оставили в покое. Он пытался понять, отчего так разозлился тогда за воскресным обедом. Тофта пугало, что в нем жил какой-то совсем другой хомса, вовсе ему незнакомый, который может в один прекрасный день снова появиться и осрамить его перед всеми. После того воскресенья хемуль один строил свой дом на дереве. Он больше не кричал на хомсу. И обоим им было неловко.

"Как это я мог так сильно разозлиться на него? – рассуждал Тофт. – Злиться было вовсе не за что. Ведь раньше я ничего подобного за собой не замечал. А тут злость поднялась во мне до краев и обрушилась водопадом. А ведь я всегда был таким добрым".

И добрый хомса отправился к реке за водой. Он наполнил ведро и поставил его у палатки. В палатке сидел Снусмумрик и мастерил деревянную ложку, а может, и ничего не делал, просто молчал с умным видом. Все, что Снусмумрик делал и говорил, казалось умным и рассудительным. Наедине с собой Тофт признавал, что ему не всегда понятно сказанное Снусмумриком, но идти к нему и спрашивать о чем-нибудь не решался. Ведь Снусмумрик иной раз вовсе не отвечает на вопрос, знай, говорит себе про чай да про погоду. А то прикусит трубку и издает неприятный неопределенный звук, и тебе начинает казаться, что ты сморозил какую-нибудь глупость.

"Не пойму, почему это они им восхищаются, – думал хомса, направляясь в сад. – Конечно, то, что он курит трубку, выглядит внушительно. А может, на них производит впечатление, что он уходит, не говоря ни слова, и запирается в своей палатке. Но я ведь тоже ухожу и запираюсь, а это ни на кого не производит впечатления. Видно потому, что я такой маленький. – Хомса долго бродил по саду в раздумьях. – Мне не нужны друзья, которые приветливы, хотя им нет до тебя дела, и они просто боятся выглядеть нелюбезными. И трусливые друзья мне не нужны. Я хочу быть с тем, кто никогда ничего не боится, с тем, кто бы меня любил, я хочу, чтобы у меня была мама!"

Он не заметил, как подошел к большим воротам. Осенью они казались мрачными, здесь можно было спрятаться и ждать. Но хомса чувствовал, что зверька здесь больше не было. Он ушел своей дорогой. Поскрипел своими новыми зубами и ушел. А ведь это хомса Тофт дал зверьку зубы. Когда хомса проходил мимо Онкельскрута, тот проснулся и крикнул:

– У нас будет праздник! Большой праздник на мою честь!

Хомса попробовал было проскользнуть мимо, но Онкельскрут поймал его своей клюкой.

– Послушай–ка меня, – сказал он. – Я сказал хемулю, что предок – мой лучший друг, что он не был на празднике целых сто лет и что его обязательно нужно пригласить! В качестве почетного гостя! Хемуль обещал. Но я говорю вам всем, что мне без предка праздника не надо! Тебе ясно?

– Да, – промямлил хомса. – Ясно. – Но сам думал о своем зверьке.

На веранде, освещенной слабыми солнечными лучами, сидела Мюмла и расчесывала свои волосы.

– Привет, хомсочка, – сказала она, – ты приготовил свой номер?

– Я ничего не умею, – уклончиво ответил хомса.

– Иди–ка сюда, – подозвала его Мюмла, – тебя нужно причесать.

Хомса послушно приблизился, и Мюмла принялась расчесывать его спутанные волосы.

– Если бы ты причесывался хотя бы десять минут в день, волосы у тебя были бы совсем неплохие. Они послушные, и цвет у них приятный. Так ты утверждаешь, что ничего не умеешь?

Однако разозлиться ты сумел. Только потом залез под стол и все испортил.

Хомса стоял не двигаясь, ему нравилось, что его причесывают.

– Мюмла, – робко спросил он, – куда бы ты отправилась, если бы ты была большим злым зверем?

Мюмла тут же ответила:

– Подальше от моря. В тот реденький лесок позади кухни. Они всегда ходили туда, когда были не в духе.

– Ты хочешь сказать, когда ты не в духе? – спросил он.

– Нет, я говорю про семью муми-троллей. Когда кто-нибудь из них злился или был в плохом настроении, то, чтобы его оставили в покое, отправлялся в этот лесок.

Хомса сделал шаг назад и закричал:

– Это неправда! Они никогда не злились!

– Стой спокойно! – сказала Мюмла. – Ты думаешь, я могу причесывать тебя, когда ты вот так прыгаешь? А еще я скажу тебе, что иной раз и папа, и мама, и Муми-тролль ужасно надоедали друг другу.

– Не пойду! – воскликнул хомса. – Мама вовсе не такая! Она всегда добрая и хорошая! – И выбежал, громко хлопнув дверью.

Мюмла просто дразнит его. Она ничего не знает про маму. Не знает, что мама никогда не бывает злой.

Филифьонка повесила последнюю гирлянду – синюю – и оглядела свою кухню. Это была самая закопченная, самая грязная на свете кухня, зато художественно украшенная. Сегодня они будут ужинать на веранде раньше обычного. Сначала она подаст горячую уху, а в семь часов – горячие сэндвичи с сыром и яблочный сок. Вино она отыскала в папином шкафу, а банку с сырными корочками – на верхней полке в кладовке. На банке была наклейка: "Для лесных мышей".

Тихонько насвистывая, Филифьонка изящными движениями разложила салфетки, – каждая салфетка была сложена в виде лебедя (Снусмумрику она, разумеется, салфетку не положила, он ими не пользовался). На ее лоб падали крутые завитки, и было заметно, что брови у нее покрашены. Ничего не скреблось за обоями, ничто не скреблось за плинтусами, и таинственные часы перестали тикать. Сейчас ей было не до них, ей надо было думать о своей программе. Она устроит театр теней "Возвращение семейства муми-троллей". "Это будет очень интересно и всем понравится", – подумала она. Она закрыла дверь в гостиную, а кухонную дверь заперла на задвижку. Потом положила лист картона на кухонный стол и стала рисовать. Она нарисовала лодку, в которой сидело четверо: двое взрослых, один подросток, а третий совсем малыш. Самый маленький сидел у руля. Рисунок вышел не совсем такой, какой хотелось бы Филифьонке, но переделывать она не стала. Все равно идея была ясна. Закончив рисунок, она вырезала его и прикрепила гвоздиками к палке от метлы. Филифьонка работала быстро и уверенно и при этом все время насвистывала, причем не песенки Снусмумрика, а свои собственные мотивы. Между прочим, она насвистывала гораздо лучше, чем рисовала или прибывала свои рисунки к палке.

Наступили сумерки, и она зажгла лампу. Сегодня ей не было грустно, она была полна приятных ожиданий. Лампа бросала на стену слабый свет, Филифьонка подняла метлу с силуэтом семьи муми-троллей, сидящих в лодке, и на обоях появилась тень. А теперь нужно прикрепить на стену простыню – белый экран, на котором силуэт поплывет по морю.

– Открой дверь! – закричал Онкельскрут за дверью гостиной.

Филифьонка чуть приоткрыла дверь и сказал в щелочку:

– Еще слишком рано!

– У меня важное дело! – прошептал Онкельскрут. – Я пригласил его, положил приглашение в шкаф. А это нужно поставить возле почетного места. – Он сунул в дверь большой мокрый букет – цветы в сочетании с листьями и мхом.

Филифьонка глянула на увядшие растения и сделала гримасу.

– Чтобы никаких бактерий у меня в кухне!

– Но ведь это кленовые листья! Я их вымыл в ручье, – возразил Онкельскрут.

– Бактерии любят воду, – отрезала Филифьонка. – Ты принял лекарства?

– Неужели ты считаешь, что в праздник нужно принимать лекарства? – воскликнул Онкельскрут с презрением. – Я забыл про них. А знаешь, что случилось? Я опять потерял свои очки.

– Поздравляю, – сухо заметила Филифьонка. – Предлагаю тебе послать букет прямо в шкаф, это будет вежливее.

И она хлопнула дверью, правда, не очень громко.